

СОЛНЕЧНАЯ

ИЭН МАКЬЮЭН

INSPIRIA

МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М15

Ian McEwan
SOLAR

Copyright © Ian McEwan 2010

Перевод с английского
Виктора Голышева, Сергея Таска

Иллюстрация на переплете
Софьи Акимовой

В оформлении авантитула использована иллюстрация:

© designer_an / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Макьюэн, Иэн.

М15 Солнечная / Иэн Макьюэн ; [перевод с английского С. Таска, В. Голышева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-204260-7

Майкл Биэрд — нобелевский лауреат, ученый с громким именем и сложным характером. Его блестящее прошлое меркнет на фоне обрушившейся личной жизни и иссякающего вдохновения. Погрязнув в пятом браке, в любовных унижениях и самообмане, он неожиданно оказывается втянут в авантюру, где научные идеи, личные слабости и глобальные проблемы человечества переплетаются в один комичный и трагический узел.

Солнечный свет — неисчерпаемый источник энергии — становится не только символом спасения планеты, но и зеркалом, в котором герой видит собственную тень.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Голышев В., перевод на русский язык, 2026
© Таск С., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-204260-7

Посвящается Полли Байд (1949–2003)

Когда Кролик видит, как растрачиваются богатства мира, и понимает, что и земля тоже смертна, ему доставляет удовольствие мысль, что и он богат.

Джон Андайк. Кролик разбогател.
(Перевод Т. Кудрявцевой)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

2000

Он принадлежал к той разновидности мужчин — невзрачных, часто лысых, низкорослых, толстых, умных, — которые необъяснимо нравятся некоторым красивым женщинам. По крайней мере, он верил, что нравится, и благодаря этому как будто действительно нравился. К тому же некоторые женщины верили, что он гений, которого надо спасать. Но нынче Майкл Биэрд был человеком с суженным сознанием, не раздующимся жизни, человеком одной темы, ушибленным. Пятый брак его распадался, и ему полагалось бы знать, как себя вести, видеть вещи в перспективе, сознавать свою вину. Разве женитьбы, его женитьбы, не были похожи на прибой? Едва одна откатывалась, тут же накатывалась другая. Но в этот раз было иначе. Он не знал, как себя вести, перспектива его мучила, и вины за собой он не видел. Это жена его завела роман — завела вызывающие, в отместку ему и без малейших угрозений совести. В сумятице чувств он обнаруживал у себя острые приступы стыда и любовного томления. Патриция встречалась со строителем, их строителем, который перекрасил их дом, оборудовал кухню, настелил плитку в ванной, — с тем самым дюжим мужиком, который однажды в перерыве показал Майклу фото своего дома, в тюдоровском стиле, собственно ручно оттюдоренного, с моторкой на прицепе под викторианским фонарным столбом, бетонной дорожкой и местом, на котором будет воздвигнута списанная красная

телефонная будка. Биэрд с удивлением обнаружил, как не-просто быть рогоносцем. Страдать нелегко. Пусть никто не скажет, что человек в его возрасте защищен от непривычных переживаний.

Дождался. Четыре его прежние жены, Мейзи, Рут, Элеонора, Карен, все еще интересовавшиеся издали его жизнью, торжествовали бы, и он надеялся, что им не расскажут. Ни один из его браков не длился больше шести лет, и это было своего рода достижение, что он остался бездетным. Его жены быстро понимали, насколько печальна или пугающа перспектива иметь в доме такого отца, они предохранялись и уходили. Ему нравилось думать, что если он и приносит несчастья, то ненадолго, не зря же какие-то отношения со всеми бывшими женами у него сохранились.

Но не с нынешней. В лучшие времена он мог бы вообразить, как мужественно устанавливает для себя двойные стандарты, с приступами грозной ярости, возможно — с эпизодом пьяных криков ночью в садике за домом или разгромом ее машины и рассчитанным ухаживанием за женщиной помоложе, этакое самсоновское обрушение матримониального храма. Но теперь он был парализован стыдом, размерами своего унижения. Хуже того, он изумлялся своей несвоевременной страсти к жене. Вожделение нападало вдруг, как желудочный спазм. Ему приходилось посидеть в одиночестве, пока оно не отпустит. Видимо, есть такая порода мужей, которых возбуждают мысли о том, что жена сейчас с другим. Такой мужчина мог бы попросить, чтобы его связали и с кляпом во рту посадили в шкаф в трех метрах от его лучшей половины, занятой этим делом. Или Биэрд обнаружил в себе наконец склонность к сексуальному мазохизму? Ни одна женщина не была еще так желанна, как эта жена, которой он вдруг не мог обладать. Он демонстративно отправился в Лиссабон, к старой подруге, но это были безрадостные три ночи. Ему нужна была жена, и он

не осмеливался оттолкнуть ее угрозами, или криками, или яркой вспышкой безумства. Но и умолять было не в его характере. Он оцепенел, он был жалок, он не мог думать ни о чем другом. В первый раз, когда она оставила ему записку: «Сегодня ночую у Р. ц. ц. П.», — отправился ли он к псевдотюдоровскому дому с запеленатой моторкой и горячей ванной на заднем дворике, чтобы размозжить хозяину голову его же разводным ключом? Нет, он пять часов в пальто смотрел телевизор, выпил две бутылки вина и пытался не думать. Не удалось.

Но ему только и оставалось, что думать. Когда другие жены узнавали о его романах, они гневались, холодно или слезливо, устраивали собеседования до рассвета, чтобы изложить свои мысли об обманутом доверии, потребовать развода и всего, что из него вытекало. А Патриция, наткнувшись на несколько электронных писем от Сюзанны Рубен, математика из Гумбольдтовского университета в Берлине, вопреки ожиданиям возликовала. В тот же день она перенесла свою одежду в гостевую спальню. Он был потрясен, когда раздвинул дверцы гардероба и убедился в этом. Он понял сейчас, что эта шеренга шелковых и хлопчатобумажных платьев была роскошью и утешением, слепками ее, выстроившимися для его удовольствия. Их больше нет. Даже вешалок. В тот вечер за ужином она улыбалась, объясняя ему, что намерена тоже быть «свободной», и не прошло недели, как она завела роман. Что ему оставалось? Однажды за завтраком он стал извиняться, говорить, что эта случайная интрижка ничего не значит, давал ей широкие обещания, всерьез веря, что может их сдержать. Он никогда еще не был так близок к пресмыкателству. Она сказала, что ничего не имеет против его поступка. Она делает то же самое — тут она и назвала своего любовника, строителя со зловещим именем Родни Тарпин, который был чуть не на двадцать сантиметров выше и на двадцать лет моложе рогатосца и еще тогда, когда он смирно штукатурил и подтесывал

Иэн Макьюэн

у Биэрдов в доме, похвастался, что не читает ничего, кроме спортивного раздела бульварной газетенки.

Одним из первых симптомов горя у Биэрда была дисморфия¹ или, наоборот, внезапное излечение от дисморфии. Он наконец-то понял, что собой представляет. Выходя из душа и мельком увидев в запотевшем высоком зеркале розовую коническую массу, он протер стекло, встал перед ним и уставился на себя изумленно. Какие механизмы самовнушения помогали ему столько лет пребывать в уверенности, что подобное выглядит соблазнительно? Эта дурацкая полоска растительности от уха до уха, подпирающая лысину, оладьи сала под мышками, невинные выпуклости утробы и зада. Когда-то он мог улучшить свою зеркальную персону, расправив плечи, выпрямившись и втянув живот. Теперь этот смалыц сводил на нет его усилия. Как он мог удержать такую красивую женщину? Неужели он правда думал, что статуса для этого достаточно, что его Нобелевская премия привяжет Патрицию к брачной постели? Голый, он позорище, идиот, квашня. Он не в силах даже восемь раз отжаться. А Тарпин взбегает по лестнице в их спальню с пятидесятикилограммовым мешком цемента под мышкой. Пятьдесят? Это приблизительно вес Патриции.

Она держала его на дистанции убийственной веселостью. Это были добавочные оскорблении: ее напевные «здравствуй», утренние перечни домашних дел и ее вечерних отлучек, и все это ничего бы не значило, если бы он мог хоть немного ее презирать или намеревался отдельаться от нее. Тогда они приступили бы к короткому, неприятному демонтажу пятилетнего бездетного брака. Конечно, она его наказывала, но когда он сказал об этом, она пожала плечами и ответила, что с таким же правом могла бы сказать то же самое о нем. Она

---

¹ Дисморфия — психическое расстройство, когда человек чрезмерно обеспокоен дефектами или особенностями своего телосложения. (Здесь и далее прим. перев.)

Солнечная

просто дождалась повода, сказал он, а она засмеялась и сказала, что в таком случае она ему благодарна.

В помраченном своем состоянии он был убежден, что перед лицом потери нашел идеальную жену. Этим летом 2000 года она одевалась по-другому, дома выглядела по-другому — в обтягивающих линялых джинсах, вьетнамках, грубой розовой кофте поверх футболки, с коротко остриженными светлыми волосами и возбужденно потемневшими голубыми глазами. Она была худенькая и теперь стала похожа на подростка. По магазинным пакетам с веревочными ручками и упаковочной бумаге, которую она оставляла на кухонном столе для его ознакомления, он заключил, что она покупает новое нижнее белье, чтобы снимал его Тарпин. В свои тридцать четыре года она сохранила молочный румянец двадцатилетней. Она его не дразнила, не изводила насмешками, не кокетничала с ним — это было бы хоть какое-то общение, — но неуклонно упражнялась в бодром безразличии, дабы его уничтожить.

Ему нужно было избавиться от нужды в ней, но желание не отступало. Он *хотел* ее хотеть. Однажды душной ночью, сбросив одеяло, он попробовал освободиться мастурбацией. Его беспокоило, что он не видит своих гениталий, если не подложит под голову двух подушек, и в фантазии его беспрестанно вмешивался Тарпин — словно бесстолковый рабочий сцены, который влезает со стремянкой и ведром во время акта. Хоть один человек на планете, кроме него, пытался сейчас удовлетворить себя мыслями о жене, находящейся от него в десяти шагах? Этот вопрос отвлекал Биэрда от цели. И было слишком жарко.

Друзья говорили ему, что Патриция похожа на Мэрилин Монро, по крайней мере в определенных ракурсах и при определенном освещении. Он с удовольствием принимал это престижное сравнение, но сам особого сходства не видел. Прежде. Теперь увидел. Она изменилась. Нижняя губа

стала полнее; когда она опускала взгляд, это обещало не- приятность; подстриженные волосы призывающе, по-старомодному курчавились на затылке. Конечно, она была красивее, чем Монро, когда плыла по дому и саду в выходные дни белокурым, розовым и голубым облаком. На какую же подростковую цветовую гамму он стал падок — в его-то возрасте.

В июле ему исполнилось пятьдесят три; она, естественно, игнорировала его день рождения и будто бы вспомнила через три дня, весело, по теперешнему обыкновению. Подарила ему широченный галстук люминесцентного зеленого колера, сказав, что этот стиль «возрождают». Да, выходные были хуже всего. Она входила в комнату, где он сидел, не для разговора, а, вероятно, для того, чтобы ее увидели, озиралась с легким удивлением и рассеянно удалялась. Она все оценивала заново, не только его. Он видел ее в конце сада под конским каштаном — она лежала с газетами на траве, в густой тени, дожидалась, когда начнется ее вечер. Тогда она уходила в гостевую комнату, чтобы принять душ, одеться, накраситься и надууться. Словно читая его мысли, она жирно красила губы красной помадой. Возможно, Родни Тарпин приветствовал модель Монро — и Биэрд теперь был обязан разделять его вкусы.

Если он оставался дома, когда она уходила (он очень старался уезжать по делам вечерами), то не мог устоять перед желанием обогатить свою страсть и муку наблюдением за ней из окна наверху, за тем, как она выходит на вечерний воздух Белсайз-Парка, идет по садовой дорожке — и какой же изменой звучал теперь всегдашний несмазанный взвизг калитки, — садится в свою машину, маленький, шустрый, черный, безалаберно приемистый «пеко». Она с таким нетерпением давала газ, отъезжая от бордюра, что его *douleur*¹ удваивалась:

---

¹ Боль, скорбь (*фр.*).

он знал, что она знает про его наблюдательный пост. Затем ее отсутствие повисало в летних сумерках, как дым садового костра, — эротический заряд ненаблюдаемых частиц заставлял его застыть бесцельно на долгие минуты. Это не сумасшествие, твердил себе Биэрд, но понимал, что хватил его горький глоток, почувствовал его вкус.

Его поражало то, что он ни о чем другом не может думать. Читая книгу, выступая с докладом, он на самом деле думал о ней или о ней и Тарпине. Нехорошо было оставаться дома, когда она уезжала к любовнику, но после Лиссабона у него пропало желание видеться со старыми подругами. Вместо этого он прочел цикл вечерних лекций по квантовой теории поля в Национальном географическом обществе, участвовал в дискуссиях на радио и телевидении и эпизодически подменял заболевших коллег. Пусть философы науки морочат себя сколько угодно, физика свободна от человеческих нансов, она описывает мир, который все равно бы существовал, если б мужчины, и женщины, и горести их исчезли. В этом убеждении он был солидарен с Эйнштейном.

Но, даже ужиная допоздна с друзьями, он возвращался домой обычно раньше нее и, хотел того или нет, вынужден был ждать ее возвращения, притом что оно ничего не меняло. Она шла прямо в свою комнату, а он оставался в своей, не желая встретиться с ней в ее сонном посткоитальном состоянии. Даже лучше, наверное, было, когда она оставалась ночевать у Тарпина. Может быть, и лучше, но стоило ему бессонной ночи.

Однажды в два часа ночи, в конце июля, он лежал в халате, слушал радио и, услышав, как она вошла, тут же, без предварительного плана, разыграл сцену для того, чтобы вызвать ее ревность, лишить ее уверенности, чтобы она захотела вернуться к нему. По Всемирной службе Би-би-си женщина рассказывала о деревенских обычаях турецких курдов — убаюкивающий бубнеж о жестокостях, несправедливостях, нелепицах.